

ІЕРЕМІЯ-ЛѢНТЯЙ

СКАЗКА КС. БОГУСЛАВСКОЙ. РИСУНКИ ИВ. ПУНИ.

иль-быль старенькій Парикмахеръ.

Сѣденькій, сторбленный, на животикѣ ножницы привѣшаны, а отъ самого мыломъ да духами пахнетъ. Онъ былъ такой старенькій и медлительный, что пока немножко волосъ сострижетъ, ужъ другіе на ихъ мѣсто вырастутъ.

У него былъ сынъ Іеремія, сонный и лѣнивый, какъ зимняя муха. Сидитъ, супъ ѣстъ; ложку до рта не донесетъ—заснетъ, захрапитъ; поспитъ немного—проснется, а ужъ супъ холодный,—нести надо подогрѣ-

вать. Согрѣется супъ, сядетъ Іеремія его ѣстъ, да опять заснетъ. Проснется—опять тащи супъ на печку.

Такъ онъ и не могъ никогда досыта покушать.

Вотъ и говоритъ ему однажды отецъ:

— Старъ я сталъ, да и вижу плохо: не дай Богъ, застригу кого-нибудь до полусмерти. Пора тебѣ за работу приниматься. Далъ ему ножницы въ руки и велѣлъ старое кресло стричь, изъ котораго отъ дряхлости волосы вылѣзли.

А Іеремія уткнулся носомъ въ стѣнку—засопѣлъ, захрапѣлъ,—спитъ.

Отцу это страшно не понравилось.

— Я тебя учу,—говоритъ,—а ты спишь. Ну, когда такъ, ужъ если ты такой лѣнивый, такъ убирайся съ глазъ моихъ долой.

Вытолкалъ Іеремію вонъ и дверь на цѣпочку закрылъ.

Ушелъ Іеремія изъ дому, пошелъ куда глаза глядятъ.

Идетъ день, идетъ два—такъ долго шелъ, что даже спать на ходу научился.

Вотъ однажды идетъ, спитъ и вдругъ споткнулся, открылъ глаза, видитъ: на землѣ туго-набитый кошелекъ лежитъ. Хотѣлъ онъ его поднять, да лѣнь нагнута; подумалъ немножко, а потомъ рѣшилъ—не стоитъ трудиться, и отправился дальше.

Шелъ онъ часа полтора, прошелъ шаговъ двадцать и столкнулся носъ къ носу съ Маленькимъ Человѣчкомъ въ большущихъ очкахъ. Ничего изъ за очковъ и не видно, какъ-будто одни очки на ножкахъ идутъ.

Іеремія сразу догадался, что это колдунъ.

— Извините,—говоритъ,—я васъ не ушибъ ли?

— Вы моего кошелекъ не видали?—забасилъ вдругъ колдунъ.

— Видѣлъ, видѣлъ,—сказалъ Іеремія.

— Гдѣ же кошелекъ?

— А тамъ же на дорогѣ лежитъ, далеко отсюда, часа два ходьбы.

Глупый ты малый, а, видно, честный,—говоритъ колдунъ,—и пахнетъ отъ тебя мыльцемъ, ужъ не паракмахерскій ли ты подмастерье? Вотъ дарю тебѣ въ награду за честность эти Волшебныя Ножницы.

И съ этими словами исчезъ.

Іеремія положилъ ножницы въ карманъ и пошелъ дальше.

Наконецъ подошелъ къ городу Первердасу.

Видитъ: огромныя ворота, а городъ маленькій, и на воротахъ объявленіе виситъ. Началь Іеремія читать, пять разъ засыпалъ, пока читалъ,—такое длинное. Вотъ что было написано:

«Симъ объявляется всѣмъ жителямъ Первердаса, что завтра устраивается пятое и послѣднее состязаніе парикмахеровъ.

Король Кирикусъ Пятый».

— Гмъ!—сказалъ Іеремія и вошелъ въ ворота. А подъ воротами Спиридонъ сидитъ, слезы по щекамъ размазываетъ, а слезы текутъ, текутъ—ужъ порядочное озерко наплакалъ.

— Что ты плачешь?—спрашиваетъ Іеремія,—можетъ быть, тебѣ спать хочется?

— Спаать?!—протянулъ Спиридонъ.—Да ужъ весь городъ двѣ недѣли не спитъ, всѣ сидятъ, думаютъ, да плачутъ. Такая сырость развелась, что ужъ по улицамъ нельзя безъ калошъ пройти.

Тутъ, вдругъ, изъ-за его плеча, раздалось такое чиханье, что у Іеремія чуть шляпа не слетѣла съ головы.

— Это Вегъ,—сказалъ Спиридонъ,—королевскій куаферъ *), Адольфъ Вегъ.

*) Куаферъ—по-французски цирюльникъ.

Куафёръ привсталъ и оказался весьма полнымъ человѣкомъ на маленькихъ кривыхъ ножкахъ.

— Да, милостивый государь,—сказалъ онъ, сморкаясь и складывая платокъ въ карманъ.—Вы видите передъ собой парикмахера, которому грозитъ чувствительная непріятность. Въ высшей степени чувствительная непріятность.

И онъ разсказалъ Іереміи слѣдующую исторію:

— Въ этой странѣ царствовалъ могущественный король Кирикусъ. Король Кирикусъ еще въ дѣтствѣ былъ необычайно уменъ, и отъ этого у него голова была тяжелѣе туловища, и когда онъ шелъ, то все головой объ стулья хлопался. И такъ себѣ голову настукалъ, что вся она поросла шишками. Поэтому стричь короля очень неудобно: некрасивая прическа выходитъ. И вотъ на завтра назначено состязаніе: если найдется такой парикмахеръ, что короля красиво ежикомъ подстрижетъ, то будетъ онъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. А не найдется—всѣхъ парикмахеровъ въ тюрьму посадятъ. И такъ какъ король уже всѣхъ парикмахеровъ перепробовалъ, и ни у одного хорошо не выходило, то придется, значить, всему сословію въ тюрьму садиться.

Послѣ этого Адольфъ Вегъ захныкалъ, зачихалъ, зафыркалъ, но Іеремія не сталъ его слушать, а пошелъ записываться на состязаніе.

Вотъ на другой день, когда пришла Іереміина очередь, вытащилъ онъ Ножницы изъ кармана, приставилъ къ королевскому затылку, а Ножницы какъ защелкали, заскрипѣли, стригутъ во-всю сами—только волосы въ разныя стороны летятъ. Всѣмъ придворнымъ глаза запорошило.

Однимъ словомъ, выстригъ короля великолѣпно.

Король посмотрѣлся въ зеркало и сказалъ:

— Ничего себѣ, красиво.

И взялъ его во дворецъ придворнымъ куафёромъ—жить да поживать, да по двадцать часовъ въ сутки спать.

А остальное время Іеремія короля подстригалъ, прихорашивалъ, самъ—стоитъ, ярлычки на флаконахъ съ одеколономъ читаетъ, а ножницы знай—стригутъ. Такъ прошло два года. Іеремія растолстѣлъ и еще лѣнивѣе сталъ.

Но вотъ однажды ѣлъ король сардинки и капнулъ себѣ на горностаевую мантию. А Мантия была дорогая.

— Экая досада,—сказалъ король королевѣ.—Самый лучший костюмъ испачкалъ, ужъ лучше бы я тебѣ на платьѣ капнулъ.

Отдали мантию Іереміи и велѣли осторожно бензиномъ почистить.

А Іереміи лѣнь за бензиномъ въ аптеку сходить.

«Ну ее,—думаетъ,—завтра почищу».

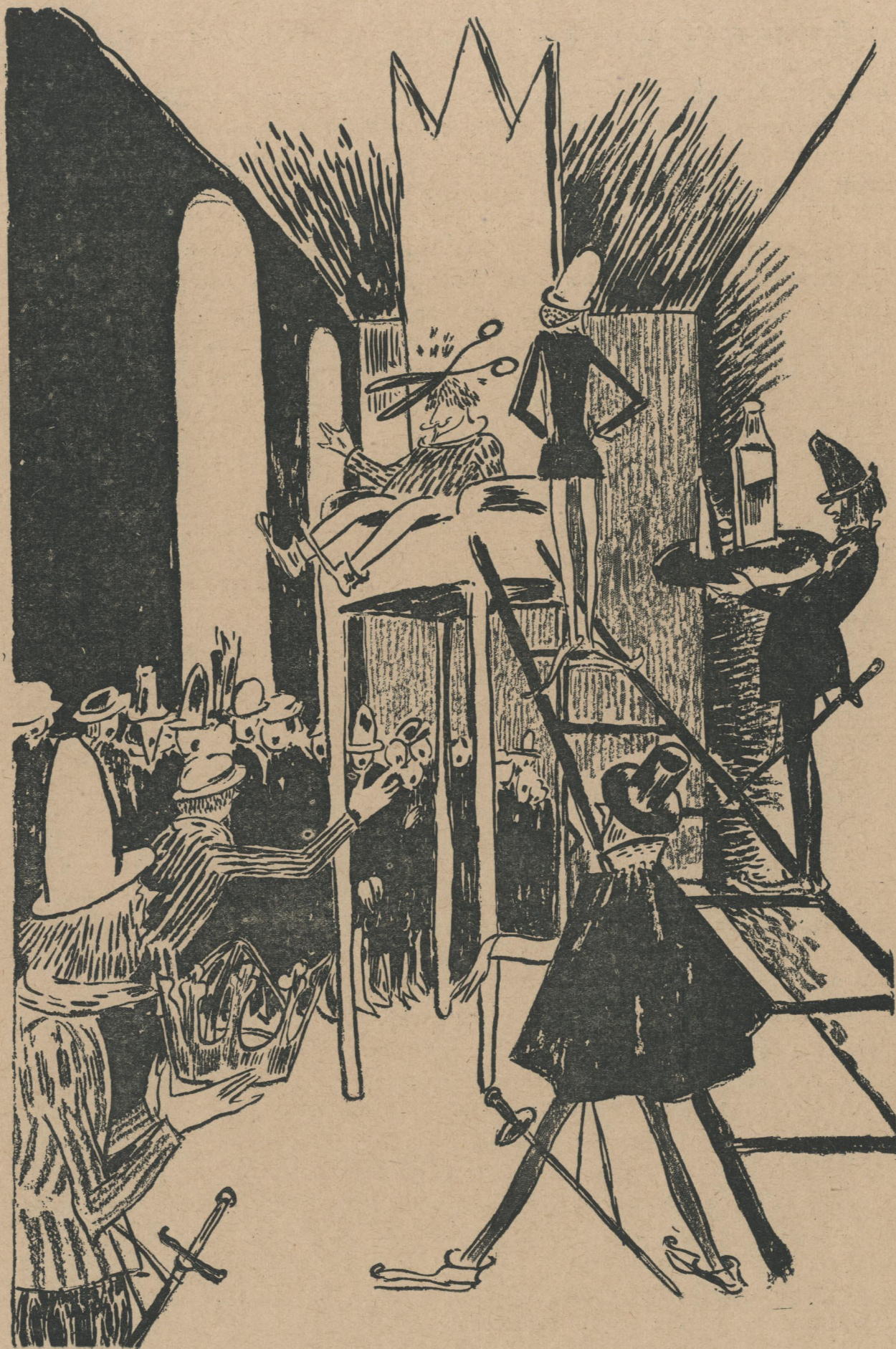
Положилъ мантию на столъ, а самъ спать завалился.

Такъ ему спать хотѣлось, что и Ножницы Волшебныя на столъ позабылъ.

Только онъ захрапѣлъ, Ножницы принялись за работу.

Всю мантию выстригли чисто-на-чисто, подъ 1-й номеръ.

Утромъ Іеремія проснулся, сходилъ, купилъ на 10 копеекъ бензину да такъ и ахнулъ: видитъ мантия стриженная.

Разсердился, схватилъ Ножницы и выкинулъ за окно.

А ужъ отъ короля гонцы за гонцами: подавай ему мантию, да поскорѣй, да не пахнетъ ли она бензиномъ?

Наконецъ не дождался король, пошелъ за мантией самъ.

Іеремія слышитъ, по коридору кто-то топаетъ,—пріоткрылъ дверь и остолбенѣлъ: самъ Кирикусъ Пятый стоитъ въ халатѣ.

Ну, ужъ тутъ Іереміи никакъ было не отвертѣться. Пришлось королю все рассказать: и что у него Ножницы были волшебныя, и какъ онѣ мантию подстригли.

Дрожитъ Іеремія, рассказываетъ, а самъ голову нѣтъ-нѣтъ и потрогаетъ,—боится, чтобъ отъ страху голова не отвалилась.

— Такъ,—сказалъ король.—Ну хорошо, Іеремія, предположимъ, я тебя казню. Такъ. А подавай мнѣ сюда Ножницы!

— Да я ихъ выкинулъ,—говоритъ Іеремія.

— Ахъ ты, сонная тетеря,—завопилъ король,—кто же меня стричь будетъ?

Сѣлъ за столъ и написалъ большущую бумагу:

«Приказываю своимъ подданнымъ оставить всѣ свои занятія и явиться къ главному Министру Королевскихъ Носовыхъ Платковъ.

А виновные будутъ строго наказаны.

Король Кирикусъ Пятый».

Вотъ всѣ подданные явились, дѣла свои побросавъ, и велѣлъ имъ министръ поиски начинать. Ищутъ, ищутъ—ничего не могутъ найти.

Іеремія спитъ, сидя въ тюрьмѣ, подданные ищутъ, а король все въ зеркало смотреть, какъ у него волосы растутъ.

— А что, Машенька,—спрашиваетъ королеву,—не пора ли ужъ стричь?

— Давно пора,—говоритъ королева.

— А позвать сюда Іеремію!

Привели его солдаты, соннаго съ соломы сняли.

— Ну,—говоритъ король,—даю тебѣ сроку три дня. Можешь выспаться хорошенько, а потомъ я тебя повѣшу. Но только сначала ты долженъ будешь меня постричь. Плохо выйдетъ,—придется повѣсить. Хорошо выйдетъ,—сдѣлаю тебя опять придворнымъ парикмахеромъ.

Пошелъ Іеремія назадъ въ тюрьму.

Сидѣлъ три дня и три ночи, все думалъ, и весь сонъ съ него соскочилъ.

Думалъ, думалъ, ничего придумать не могъ.

Насталъ четвертый день, открылъ тюремщикъ тюрьму огромнымъ ключомъ и потащилъ Іеремію за воротъ во дворецъ.

А тамъ король сидитъ, бушуетъ,—никакъ пообѣдать хорошенько не можетъ: волосы мѣшаютъ, такіе длинные отросли, что въ глаза лѣзутъ и, какъ король кушать соберется, на носъ ему свѣсятся и въ соусъ мокнуть.

— Вотъ,—сказалъ король грустно и отодвинулъ тарелку,—совсѣмъ уже и кушать не могу, вотъ какъ волосами заросъ. Стриги, Іеремія, скорѣй! Да смотри: чуть что не такъ,—повѣшу!

Отъ страху у Іереміи затряслись руки, но дѣлать нечего. Взялъ онъ ножницы и такъ изуродовалъ царскую прическу, что ужасъ: стала голова какъ стогъ сѣна, изъ за уха клокъ мочалы повисъ; на маковкѣ просто вѣеръ получился. Всѣ такъ и прыснули: «вотъ такъ огородное чучело!»

— Ну что,—спрашиваетъ король,—какъ выходить?

Глянулъ Іеремія однимъ глазкомъ на придворныхъ—видитъ: хохочутъ, смѣются, подмигиваютъ—очень смѣшная прическа.

— Ну,—повторилъ король,—что же вы молчите? Отвѣчайте.

Придворные отъ страху чуть не попадали, трепещутъ, не знаютъ, что и сказать,—но такъ какъ неудобно сказать королю, что онъ безобразное пугало, то выступилъ изъ толпы первый министръ и сказалъ, что у короля въ новой прическѣ удивительно величественный видъ.

— Га, такъ ты, значить, находишь, что я красавецъ?—сказалъ король, очень довольный.

— Изумительный красавецъ, восхитительный!—пропѣли королю придворные.

— Ну, а коли восхитительный, то и вы всѣ извольте носить такія же прически, а если кто не захочетъ, того я посажу въ тюрьму.

Такъ всѣ и ходятъ теперь въ городѣ Первердасѣ какъ огородныя чучела, съ метелками, вмѣсто прически: ничего не подѣлаешь—мода.

А Іереміей король остался очень доволенъ, повѣсилъ ему на шею огромную золотую медаль съ надписью «королевскій цирюльникъ», и съ тѣхъ поръ Іеремія живетъ да поживаетъ въ городѣ Короля Кирикуса, и лѣнь съ него какъ рукой сняло—открылъ парикмахерскую и стрижетъ весь городъ.

Я самъ у него стригся на прошлой недѣлѣ, и теперь у меня такая прическа, что даже лошади на улицѣ смѣются.

